

Список литературы

1. *Борхвальдт О. В.* Словарь золотого промысла Российской Империи. М. : Русский путь, 1998. 240 с.
2. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* На кумысе. (Из летних экскурсий) // Русская мысль. 1888. № 9. С. 160–173 (гл. I–III); № 10. С. 92–127 (гл. IV–X).
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 3-е изд., стер. СПб. : Терра–Азбука, 1996.

Н. В. Пращерук (Екатеринбург)

«Рудин» 1890-х: о романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Общий любимец публики»

Предпоследний роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Общий любимец публики» (1898), который ни разу не переиздавался, по аналогии с «Именинником», можно назвать «Рудиным» 1890-х (см. об этом: [2]). Типологическая близость произведений угадывается уже по сходству заголовков. Эти романы «прошли», кроме того, рудинскую структурную школу: в обоих случаях есть центральный персонаж, именуемый в обществе либо «именинником», либо «общим любимцем публики», а все остальные герои раскрываются преимущественно «профильно», т. е. в том или ином отношении к «центру».

Любопытна и поучительна эволюция рудинского типа в романах Мамина: в «Имениннике» — это земский деятель, разочаровавшийся в общественном служении, осознавший свою человеческую несостоятельность и покончивший с собой; в «Общем любимце публики» — перед нами игрок и адвокат в одном лице, запутавшийся по легкомыслию в махинациях с векселями, оказавшийся под следствием и судом и осужденный на высылку в Сибирь.

В самом начале романа в герое подчеркивается рудинское красноречие. Окружающие очарованы, ему, как узнает читатель, подарен безоговорочный статус «общего любимца публики»: «Гущин даже закрыл глаза от умиления. Боже, как умел говорить Матов — так и сыплет, так и сыплет... Вера Васильевна сидела, опустив глаза. Она любила самый тембр грудного

голоса Матова. Именно так должен говорить настоящий мужчина. Ораторский талант Матова гипнотизировал ее, как чарующая музыка...» [1, с. 10]¹.

«Он у нас общий любимец публики и составляет некоторым образом общественную собственность» [с. 10] – вторит двум другим героям Анненька, впоследствии искренно полюбившая Матова и поддерживающая его в те времена, когда та самая публика отвернулась от своего любимца.

Правда, в отличие от тургеневского Рудина, произносившего речи о высоком предназначении человека, маминский герой говорит о подлогах, трактуя их метафорически и распространяя на самые разные сферы человеческой жизни: «Закон преследует только формальную правду... вернее, бумажную правду... А я говорю о подлоге по существу... Например, барышня улыбается – это самый утонченный подлог, я делаю умное лицо – тоже, Артемий Асафыч выдает себя добрым человеком – тоже <...> Мы делаем подлог самым актом своего рождения... Каждый наш день – целый ряд мелких подлогов, и поэтому каждый человек умирает злостным банкротом» [с. 9].

Этот монолог можно считать ключевым для понимания героя и произведения в целом, поскольку здесь, во-первых, своеобразно спроецирована дальнейшая судьба говорящего (и в этом тоже прямые переключки с романом Тургенева, с монологом Рудина о птичке, которая в смерти найдет гнездо), а, во-вторых, отражена специфика его личности. Перед нами, без сомнения, человек яркий, талантливый, но не нашедший себя в настоящем деле, не встретивший и по-настоящему близкого человека. Ирония в данном случае – как выражение и неудовлетворенности собственной жизнью, и невозможности – без вмешательства посторонних лиц или обстоятельств – победить инерцию привычного поведения. Положение героя осложняется запутанными личными отношениями: брак по расчету, страсть к некогда оставленной им девушке, а ныне жене известного в городе игрока Войвода Вере Васильевне (полное совпадение имени с гончаровской героиней, думается, не случайно)...

Как и в «Имениннике», герой носит говорящую фамилию – Матов, которую можно интерпретировать двояко: и как фиаско образа жизни героя («король – общий любимец публики – умер»), и как приговор самой этой публике – ее нравственной и человеческой несостоятельности.

Роман можно с полной уверенностью считать и нравоописательным. Он щедр на меткие характеристики зрелого мастера-художника, которые относятся и к жизни провинциального уральского города Сосногорска в целом, и к людям, его населяющим, определяющим его «лицо»:

¹ Далее роман цитируется по данному изданию, т. 8, с указанием в скобках только страницы.

«Уездный город Сосногорск, залегший на самой границе Сибири, являлся типичным представителем нерусского города. Не было ни кремля, ни старинных церквей, ни исторических воспоминаний о врагах и вражеских одолениях – все новенькое, почти с иголочки. Сосногорску не было и двухсот лет, что, по городской хронологии, является почти младенчеством. С самого начала Сосногорск сделался центром горнозаводской деятельности, а потом центром уральской золотопромышленности... Сам по себе город был не велик, но он являлся центральным пунктом, к которому тянули все горные заводы, промыслы и торговля. Благодаря этому жизнь складывалась бойкая, почти на столичную руку, чем сосногорцы немало гордились» [с. 24].

В романе ярко обрисованы колоритные представители нескольких социальных групп. Это купцы, золотопромышленники, периодически выезжающие к местам золотодобычи, чиновники-юристы. Приведем несколько примеров блестящих портретных характеристик: «...В гостиную уже вваливалась целая гурьба с знаменитым золотопромышленником Самгиным во главе. Это был приземистый, толстый старик, походивший на обозного ямщика. Сыромятное, корявое лицо всегда было покрыто жирным налетом, а козлиная, седевшая борода точно была подбита молью. Он и одевался по-ямщицки – в поддевку, русскую рубашку-косоворотку и сапоги бутылкой» [с. 16]; «Еще из передней донесся знакомый всем неудержимый хохот, а потом уже появился низенький, толстенький, розовый, беззубый и лысый, как бильярдный шар, старичок. Это был последний отпрыск гремевших когда-то на всю Сибирь богачей Рудометовых...» [с. 17]; «Это был почти молодой человек, худенький, сторбленный, тонконогий, со сморщенным улыбающимся лицом и близорукими, бесцветными глазами. Он носил большие рыжие усы и окладистую бороду; русые жиденькие волосы прилипли на лбу и висках плоским прядками, точно он сейчас только вышел из бани» [с. 36] и т. п.

Поразительно, что всех этих разных по характеру и социальному статусу людей объединяет карточная игра, которая как эпидемия распространилась по всему Сосногорску: «...Все сосредоточивалось в Общественном клубе, где шла игра во всех видах напропалую. Случались проигрыши в десятки тысяч, и это никого не удивляло. Особенно жестоко проигрывались адвокаты и Матов по преимуществу <...> Картежная игра сделалась профессией, и организовалась целая шайка специалистов. Играли даже дамы, хотя и предпочитали коммерческие игры» [с. 25]. Вот как проводили досуг сосногорцы в святочную неделю: «Игра велась в клубе, где все игорные комнаты были битком набиты. Играли врачи, учителя, инженеры, золотопромышленники, чиновники и те особенные

люди, которые встречались только в Сосногорске и про которых говорили, что они живут своими средствами. Это были темные личности, промышлявшие скупкой краденого золота» [с. 49].

Впечатляющий образ Сосногорска как своего рода маминского Рулетенбурга включает роман в традицию изображения игорной страсти – от Пушкина и Лермонтова до Достоевского. А что касается главного героя – игрока и адвоката Матова, то, пройдя испытания судебной системой и переменчивым отношением к себе дальних и ближних, он находит в себе внутренние резервы для возрождения. Роман завершается прощением – герой отправляется в Сибирь с надеждой обрести настоящее дело и подлинные смыслы.

Список литературы

1. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Полн. собр. соч. : т. 1–12. Т. 8. Пг. : Т-во А. Ф. Маркс, 1917. 503 с.

2. *Пращерук Н. В.* Роман «Именинник», или «Рудин» 1880-х // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения : [К 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя] / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. С. 228–241.

И. В. Фирсаев (Екатеринбург)

«Другой» рассказчик: проблема центра и окраины в сказе П. П. Бажова «Дорогой земли виток»

Тема *отношения к этническому «другому»* является актуальной как в сказах Бажова периода «замкнутости» уральского мира, так и в сказах утопического цикла¹. Одним из таких сказов является «Дорогой земли виток» (далее – ДЗВ), уникальность которого состоит в том, что позицию рассказчика занимает этнический «другой», в то время как во всех остальных сочинениях писателя в этой роли всегда – русский мужчина. Я неслучайно написал «мужчина» вместо «человек», потому что в нашем

¹ Подробнее о принципе циклизации в творчестве Бажова см.: [3, с. 308–316].